

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-104-116

А.В. ФедоровИздательство «Русское слово»,
115035 г. Москва, Российская ФедерацияСредняя школа № 1516,
107589 г. Москва, Российская Федерация

Под знаком Достоевского. О книге Ю.В. Лебедева «Русская литература XIX века»

Аннотация. В статье рассматривается и рецензируется книга доктора филологических наук, профессора Юрия Владимировича Лебедева «Русская литература XIX века. Курс лекций для бакалавриата теологии», изданная в 2020 г. Дается краткий обзор его предыдущих изданий для школы и вуза в контексте новых подходов к изучению и преподаванию русской классической литературы. Последовательная консервативно-почвенническая позиция автора позволяет по-новому взглянуть на основные историко-культурные явления XIX столетия и оценить вклад в отечественную литературу писателей, критиков, мыслителей и публицистов. Важнейший акцент в учебнике сделан на религиозной составляющей содержания художественных произведений, что способствует актуализации их духовно-нравственной проблематики. Автором установлены и раскрыты многочисленные связи и переклички между русскими писателями золотого века. В особенности это относится к творчеству Ф.М. Достоевского, образы и идеи которого становятся своеобразным ключом для осмысления произведений М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и других отечественных классиков. Учебник написан образным, ярким языком и содержит тонкие наблюдения над художественной формой – изобразительно-выразительными средствами, стилистическими особенностями и др. Он будет интересен и полезен не только будущим бакалаврам теологии, но и педагогам, старшеклассникам, студентам-филологам и всем, кто неравнодушен к русской классической литературе XIX столетия. Ю.В. Лебедев убедительно показывает, что классика не устарела и по-прежнему «впереди, а не позади нас».

Ключевые слова: Ю.В. Лебедев, Ф.М. Достоевский, русская классическая литература XIX столетия, золотой век русской литературы, историко-литературный процесс, духовно-нравственная проблематика, нигилизм, консервативно-почвеннические взгляды, учебник

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Федоров А.В. Под знаком Достоевского. О книге Ю.В. Лебедева «Русская литература XIX века» // Литература в школе. 2021. № 5. С. 104–116. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-104-116

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-104-116

A.V. Fedorov

Publishing House “Russkoye slovo”,
Moscow, 115035, Russian Federation
Secondary School № 1516,
Moscow, 107589, Russian Federation

Under the sign of Dostoevsky. On the book by Yu.V. Lebedev "Russian literature of the XIXth century"

Abstract. The article considers and reviews the book of Professor, ScD in Philology, Yuri Vladimirovich Lebedev “Russian literature of the XIXth century. A course of lectures for the Bachelors of Theology” (2020). A brief overview of his previous publications for schools and universities in the context of new approaches to the study and teaching of Russian classical literature is given. The consistent conservative-pochvennik position of the author allows us to take a fresh look at the main historical and cultural phenomena of the XIXth century and evaluate the contribution of writers, critics, thinkers and publicists to Russian literature. The most important emphasis in the textbook is placed on the religious component of the content of artistic works, which contributes to the actualization of their spiritual and moral issues. The author has established and disclosed numerous connections and roll calls between Russian writers of the “golden age”. In particular, this applies to the work of F.M. Dostoevsky’s, whose images and ideas become a kind of key for understanding the works by M.Yu. Lermontov, I.S. Turgenev, N.S. Leskov, A.N. Ostrovsky, N.A. Nekrasov, L.N. Tolstoy and other Russian classics. The textbook is written in an imaginative, vivid language and contains subtle observations on the artistic form – visual and expressive means, stylistic features, etc. It will be interesting and useful not only for future bachelors of theology, but also for teachers, high school students, philology students and anyone who is not indifferent to Russian classical literature of the XIXth century. Yu.V. Lebedev convincingly shows that the classics is not outdated and is still “ahead, not behind us”.

Key words: Yu.V. Lebedev, F.M. Dostoevsky, Russian classical literature of the XIXth century, the «golden age» of Russian literature, the historical and literary process, spiritual and moral problems, nihilism, ideas of conservative Pochvennichestvo, textbook

CITATION: Fedorov A.V. Under the sign of Dostoevsky. On the book by Yu.V. Lebedev "Russian literature of the XIXth century". *Literature at School*. 2021. No. 5. Pp. 104–116. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-104-116

Имя Юрия Владимировича Лебедева известно давно и многим – как литературоведам, так и школьным учителям. Прежде всего, благодаря его замечательному школьному учебнику для 10 класса, появившемуся в далеком 1992 г.¹ Помню, когда по окончании института только пришел в школу и открыл этот учебник, испытал настоящее потрясение. Прежде всего, из-за удивительного совпадения моего внутреннего (неоформленного) убеждения – и предложенного целостного взгляда на русскую литературу, ее творцов и персонажей. Уверен – это было открытием не только для отдельно взятого учителя: едва ли не впервые в истории отечественной филологии и методики самое современное слово о русской литературе золотого века прозвучало в школе *раньше*, чем где бы то ни было.

Советское литературоведение уходило на наших глазах в прошлое, стройная и по-своему убедительная концепция историко-литературного процесса (три этапа освободительного движения) рассыпалась – из нее был вынут идеологический стержень... А что взамен? В академическом литературоведении началась отчетливая «партийная» борьба за поиск и утверждение нового «стержня». Так или иначе эта борьба отразилась на школьном преподавании литературы в пресловутые «девяностые». (Мы помним, какими чудовищными

перегибами обернулось это в реальности. Особенно в выпускном классе, где всегда изучалась литература XX в. Вместо советской классики – Серебряный век в каких-то немыслимых подробностях и «возвращенные» имена. Картина получалась, мягко говоря, карикатурная.) Все прежние плюсы стали минусами, антисоветское сделалось синонимом художественного, а место трех этапов освободительного движения заняли три волны русской эмиграции. Но век девятнадцатый в учебниках для 10 классов оставался в том же составе (слава Богу) – и зачастую в той же интерпретации (к сожалению). Так возникал любопытный диссонанс: все советское в отечественной культуре XX столетия явно или скрыто дискредитировалось, а все радикально-демократическое и социалистическое в словесности XIX в. продолжало оцениваться как прогрессивное и в высшей степени актуальное. «Развенчав» (с минимальными на то основаниями) советский период, многие авторы учебных книг сохранили советский взгляд на период предшествующий.

Школьный учебник Ю.В. Лебедева стал тогда одним из первых, где предлагался последовательный *новый* подход к осмыслению отечественной литературы XIX столетия. Затем, уже в «нулевые», вышел в свет трехтомный вузовский учебник [3] – более подробный, развернутый и специализированно филологический. И вот в конце второго десятилетия XXI в. появился курс лекций для бакалавров

¹ Лебедев Ю.В. Литература: учебное пособие для учащихся 10 класса средней школы: В 2 ч. М., 1992.

теологии, фундаментальный труд объемом около 80 печатных листов [4]. Само собой, это не просто расширенный и дополненный вариант школьного² или вузовского учебника [3], а вполне самостоятельное произведение. Но при этом в нем сохраняется и усиливается самое важное, что уже прозвучало ранее. Это пособие написано тем же человеком. И с той же любовью к русской классике.

Подход, выработанный Ю.В. Лебедевым еще в 1990-е гг. и с новой глубиной воплотившийся в его учебнике для бакалавров теологии, предопределяет акценты в изложении литературных фактов, влияет на оценки историко-литературного процесса и его составляющих. Определяя сущность этого подхода, его, вероятно, можно назвать почвенническим, близким к мировоззрению Ф.М. Достоевского. Одной из важных черт этого подхода является глубокое уважение к национальной традиции. С этих позиций автор пособия пересматривает многие давно укрепившиеся в отечественном литературоведении клише.

Давно ли при изучении истории и литературы золотого века слово «консерватор» звучало как ругательство? Да совсем недавно. И до сих пор иногда звучит. А вот «либерал» – почти всегда «совесть нации», оппозиционер и честный человек. Однобокая картинка. Как иронизировал М.Н. Катков, «консерватор – это обскурант, крепостник, ненавистник человеческого рода, враг мень-

ших братьев, подлец и собачий сын. Прогрессист – это друг человечества, готовый на великие подвиги, на всяческие жертвы, в интересе просвещения, свободы, благоденствия всех и каждого... Как же было тут колебаться в выборе?» [2].

Подобное нигилистическое представление о традиции и ее защитниках в целом преобладало в советский период (конечно, со многими оговорками). Любопытно, что произведения с явной общественно-политической направленностью делились на «правильные», достойные изучения, – и «неправильные», «досадные» для писательской репутации. Так, к примеру, рассматривались поздние стихотворения Н.М. Языкова – поэта пушкинской плеяды, занявшего консервативно-почвеннические позиции.

В этом смысле особенно трагична судьба гоголевского наследия. Несмотря на многочисленные работы замечательных современных гоголеведов В.А. Воропаева и И.А. Виноградова, эта традиция до сих пор укоренена в школьном и вузовском преподавании. Ю.В. Лебедев мягко и настойчиво предлагает отказаться от ложных шаблонов. Они мешают постижению истины – т.е. духовного смысла гоголевских произведений и его писательской позиции. «От Белинского пошла традиция делить творчество Гоголя на две части. “Ревизор” и “Мертвые души” рассматривались как прямая политическая сатира на самодержавие и крепостничество, призывавшая к их “свержению”, а “Выбранные места из переписки с друзьями” толковались как произведение, явившееся в результате крутого перелома в мировоззрении писателя, изменившего своим “прогрессивным” убеждениям. Не обращали внимания

² Лебедев Ю.В. Литература: учебное пособие для учащихся 10 класса средней школы: В 2 ч. М., 1992; Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века. 10 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. М., 2002; Лебедев Ю.В. Литература. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций. Базовый уровень: В 2 ч. М., 2019.

на неоднократные и настойчивые уверения Гоголя, что “главные положения” его религиозного мирозерцания оставались неизменными на протяжении всего творческого пути. Идея воскрешения “мертвых душ” была главной и в художественном, и в публицистическом его творчестве» [4, т. 1, с. 416]. В главе о Гоголе не только подробно излагается содержание знаменитого и растиражированного как публицистическое завещание письма Белинского, но и приводится так и не отправленный обстоятельный ответ писателя раздраженному критику [Там же, с. 478]. И этот ответ очень важен для установления диалога – восстановления историко-культурной справедливости.

Предложенный в пособии подход позволяет утвердить в художественных правах антинигилистический роман – одно из весьма заметных историко-культурных явлений второй половины XIX в. Эта естественная реакция неравнодушных и прозорливых писателей на усиление радикальных нигилистических настроений в общественной жизни страны достойна того, чтобы занять подобающее место в общей картине литературного бытия России. А ведь многие писательские имена были на долгие годы вычеркнуты из общественного сознания именно за «грех» антинигилизма. Среди них – А.Ф. Писемский с романом «Взбаламученное море». Об этом романе Ю.В. Лебедев пишет как о «незаурядном произведении русской классической прозы», которое «не получило должной оценки, к нему относились с предубеждением, т.к. одновременно с широкой панорамой русской жизни за несколько десятилетий, с прав-

дивым освещением существенных сторон народного быта, Писемский пародийно изображает русскую революционную эмиграцию и столичных “нигилистов”... Однако сейчас настает время для беспристрастной оценки... оценки спокойной и объективной» [Там же, с. 616]. То же относится и к романам Н.С. Лескова «Некуда», «На ножах», сыгравшим почти роковую роль в его писательской судьбе, и к последнему, так и не оцененному ни современниками, ни потомками роману И.А. Гончарова «Обрыв», и ко многим другим произведениям, в которых выразилось активное противостояние здоровых консервативных сил русского общества разрушительным тенденциям и «прогрессивным» учениям.

И сам нигилизм как один из ключевых социокультурных феноменов второй половины столетия нуждается в более глубоком осмыслении с точки зрения своего генезиса, мировоззренческих основ, а не только карикатурных внешних проявлений. В главе, посвященной творчеству И.С. Тургенева, Ю.В. Лебедев особое внимание уделяет предпосылкам базаровского нигилизма, вводя читателя в историко-культурный контекст начала 1860-х гг., разъясняя, чему же учили российских «нигилистов» их кумиры [4, т. 2, с. 116].

Той же высокой цели – восстановлению объективной картины историко-культурного процесса XIX столетия – служит в учебнике обращение к именам, долгое время остававшимся маргинальными для отечественного образования. Например, главы о М.Н. Каткове, К.Н. Леонтьеве, Н.Ф. Федорове, К.П. Победоносцеве содержат взвешенные суждения об их взглядах, деятельности, роли

в общественной жизни России. «Александр Блок в поэме “Возмездие” дал Победоносцеву такую уничтожающую характеристику:

...Победоносцев над Россией
Простер свиные крыла...

Но приведенные нами отрывки из статей Победоносцева свидетельствуют о незаурядном уме и проницательности этого консерватора» [4, т. 2, с. 65].

Значительное место в учебнике занимает не только собственно «изящная словесность», но и ее профессиональная критическая интерпретация, которая позволяет представить весь диапазон восприятия классических произведений их современниками.

Конечно, книга Ю.В. Лебедева предназначена для определенного читателя – будущих бакалавров теологии. И Священное Писание, и Священное Предание высвечивают самое важное в духовной проблематике классических произведений. Но никакого насилия над «материалом» или хотя бы его упрощения не происходит, потому что диалог с вечностью составляет самую сердцевину русской классической литературы. Такой подход глубоко органичен, сопряжен самому изучаемому явлению. И поэтому учебник Ю.В. Лебедева – не только для богословов, но и для всех, кто неравнодушен к отечественной классике.

Демонстрируя молодым читателям содержательность художественной формы, автор учебника приводит точные наблюдения над деталью, приемами и средствами изобразительности: «Природа в романе Пушкина чаще всего и открывается через окно, в которое глядит Татьяна. Можно сказать, что *Татьяна у окна* – это лейт-

мотив, повторяющаяся в романе сюжетная ситуация... По мере чтения романа русская природа с ее чередой времен суток и времен года настолько срастается с образом любимой Пушкиным героини, что порой ловишь себя на мысли: любой пейзаж в романе – “окно” в мир ее поэтической души» [4, т. 1, с. 262–263]; «Отворите это окно... мне что-то душно», – говорит она ему. Возбужденная героиня буквально призывает нигилиста Базарова “отворить окно” его собственной души. “Базаров встал и толкнул окно. Оно разом со стуком распахнулось... Он не ожидал, что оно так легко отворялось; притом руки его дрожали...” Так вступает в свои права ночь Базарова и Одинцовой, таинственная и вольная стихия жизни, перед которой оба героя грешны и виновны непоправимо. Она робеет перед глубиной человеческих чувств, он к ней тянется, но одновременно и осуждает себя за это, и с презрением отворачивается» [Там же, т. 2, с. 129].

Тактично и взвешенно размышляет Ю.В. Лебедев о сложных, неоднозначных в духовном смысле эпизодах и поступках героев – например, о самоубийстве Катерины в драме А.Н. Островского «Гроза». Тонко и проникновенно истолковано противоречие в характере и натуре Наташи Ростовской, без чего невозможно объяснить ее мгновенное и непоправимое сближение с Анатолом Курагиным: «Конечно, есть существенное различие между “все можно” Анатоля и раскрепощенностью Наташи, в которой присутствует нравственный инстинкт. Но в моменты полной душевной открытости человек, живущий сердечными инстинктами, не застрахован от ошибок и катастроф. Свободный инстинкт Наташи переступает

границ нравственного чувства и смыкается на мгновение с эгоизмом Курагина. В стихийном чувстве правды и добра есть красота и обаяние, но есть и внутренняя слабость. Драматичен избыток интеллекта, приглушающий в душе человека непосредственные ощущения жизни; драматична и стихийная сила жизненности, не контролируемая сознанием, не управляемая им» [4, т. 2, с. 429].

Важнейшая мировоззренческая идея русской литературы золотого века, искренне разделяемая автором, заключается в том, что «иерархия ценностей не нами придумана, не художником изобретена. Не человек, в конечном счете, является “мерюю всех вещей”: эта мера объективна и существует независимо от наших субъективных желаний и капризов. Она явлена свыше, как солнце, как небо, как звезды, ее можно почувствовать в гармонии национального пейзажа, где все соразмерно, организовано, приложено друг к другу, ее можно ощутить в музыке родного языка. Гений Пушкина заключался в прозрении скрытого “лада”, в постижении “высшего порядка вещей в окружающем нас мире”» [Там же, т. 1, с. 186]; «Как будто это и не Пушкин, а кто-то стоящий над ним, над всеми героями романа открыл на мгновение взаимосвязь всего со всем в русской жизни и обнажил организующую эту взаимосвязь систему ценностей. Пушкин же лишь уловил и точно передал ее, ничего не домысливая, не достраивая, ничего с помощью имевшихся в его распоряжении приемов словесного искусства не мобилизуя и не используя. Этот свободный роман течет одновременно с потоком жизни Пушкина, естественно и органично» [Там же, с. 252].

Принцип «вечное сквозь временное» последовательно реализуется при разъяснении символического, духовного смысла художественных произведений, скрывающегося под «одеждами» исторической и бытовой конкретики эпохи, индивидуальностью характера персонажей и их взаимоотношений. Например, говоря о первом романе Гончарова, Ю.В. Лебедев замечает: «В романтизме Александра есть юношеская гордыня, ведущая к соблазну. Петербург манит его вечным искушением – “и будете, как боги”. Неспорно дорога туда “вьется змеей”... Так, в самом начале романа центральное событие – отъезд молодого романтика в Петербург – приобретает у Гончарова символический подтекст. За переходом и злободневным проступает абсолютное – воскресает библейский мотив искушения и грехопадения человека» [Там же, с. 489]. И о последнем романе писателя: «...“странности” в поведении героя несут в романе не только буквальный, бытовой, но и символический смысл. Начнем с имени героя. Оно ведь у него апостольское, потому что Марк претендует на роль проповедника нового вероучения среди гимназистов, а Евангелие от Марка было адресовано римской молодежи... На протяжении всего романа образ Марка сопровождают притчевые ситуации из Ветхого и Нового Завета... Марк искушает Веру запретным плодом, яблоком из “райского сада” бабушки... В разговоре с Райским Марк называет себя и себе подобных “легионом, пущенным в стадо”, намекая на евангельскую притчу об изгнании нечистых духов из бесноватого... С этой притчей связано и название романа Гончарова – “Обрыв”, равно как и романа “Бесы” Достоевского» [Там же, с. 515].

Очень часто обращение к христианским первоисточникам мыслей и слов персонажей открывает удивительные совпадения и переключки, неочевидные без такого своеобразного религиозного комментария. Например, о Базарове после встречи с Одинцовой: «Герой вспоминает об ангеле-хранителе в роковой момент своей жизни. Бросая ему иронический вызов, он начинает опасную игру с судьбой. Базаров, конечно, знает, что священномученик Евсевий погиб от раны, нанесенной ему женщиной из враждебного стана (Тургенев дал в покровители Базарову святого Евсевия, поскольку их имена переключаются по смыслу: Евгений – благородный, Евсевий – благочестивый)» [4, т. 2, с. 126].

Религиозное христианское содержание ученый открывает иногда в совершенно неожиданных именах и судьбах, в том числе писателей, традиционно представленных как революционеры, борцы с режимом и прочие просветители. Например, в финале небольшой главки о Рылееве приведены сведения о последних днях его жизни – и эти сведения позволяют по-другому понять самоубийственный порыв «жертв мысли безрассудной»: «Священник Петр Николаевич Мысловский... часто посещая Рылеева в крепости, говорил, что встретил в нем “истинного христианина, готового душу положить за други своя”. На кленовом листе Рылеев нацарапал для передачи своему другу-соузнику Евгению Оболенскому такие стихи:

Мне тошно здесь, как на чужбине,
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст мне крылья голубине,
Да полечу и почию.
Весь мир как смрадная могила!

Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон:
Приникни на мое моление,
Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

...Так, в поздних стихах Рылеева, написанных в каземате Петропавловской крепости, появились отчетливо выраженные христианские мотивы, сближающие его лирику с элегическими мотивами Жуковского» [Там же, т. 1, с. 45–46].

Религиозность великого драматурга и дипломата А.С. Грибоедова тоже никогда не была в центре внимания исследователей. Ю.В. Лебедев приводит ценное и показательное свидетельство А.Н. Пыпина о Грибоедове: «Любил он ходить в церковь. “Любезный друг, – говорил он, – только в храмах Божиих собираются русские люди, думают и молятся по-русски. В русской церкви я в отечестве, в России! Меня приводит в умиление, что те же молитвы читаны были при Владимире, Димитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение одушевляло набожные души. Мы – русские только в церкви, а я хочу быть русским”» [Там же, с. 167]. После этого неизбежно начинаешь воспринимать нравственно-философский конфликт комедии «Горе от ума» с иных позиций...

О А.И. Герцене и его сложном внутреннем движении автор замечает: «...доводит атеистический гуманизм до логического конца и обнаруживает там противоречия неразрешимые, приводящие в отчаяние. “Я уже не жду ничего; ничто, после виденного и испытанного мною, не удивит и не обрадует глубоко”. Мыслитель,

провозгласивший человека мерою всех вещей, теперь понял всю шаткость этой “меры”. Герцен дошел до пограничного рубежа атеизма, вплотную подошел к религиозному мироощущению, но шага вперед не сделал» [4, т. 1, с. 584].

Противоречивая фигура Н.А. Некрасова, христианские истоки его поэтического мировоззрения в соотнесении с общественно-политическими взглядами и приоритетами – все это полно и объективно раскрывается в главе, посвященной поэту. «Для некрасоведов-атеистов камнем преткновения долгое время оказывались слова вернувшегося из ссылки героя поэмы “Дедушка”: “Днесь я со всем примирился, что потерпел на веку!” Они не понимали, что христианское смирение отнюдь не означает примирения со злом, а, напротив, утверждает открытую и честную борьбу с ним, что и подтверждается далее всем поведением героя. Но *христианское* сопротивление мирскому злу начисто *исключает личную вражду!*» [Там же, т. 2, с. 252]. «“Чудо с отшельником *сталося*” потому, что в душе своей он ощутил *не личную обиду, а Божий гнев* не за себя, не за личное оскорбление, а за хулу на святыню, за издевательство над Богом и ближними» [Там же, с. 269].

В христианском контексте автором интерпретируется характерная для русского национального сознания антибуржуазность. Это не только недоверие к разуму (как рассудку), это более широкое представление о том, что есть подлинное человеческое бытие, не замыкающееся в узких прагматичных соображениях, не признающее вершиной иерархии заботу о себе любимом и собственном благополучии. Более вниматель-

ный взгляд, устремленный внутрь, в сущность явления, показывает, что именно буржуазность как предельное сужение картины мира и человека, как самодовольная ограниченность материальным – не просто опасна для души, а является главным дьявольским соблазном нового времени, самое страшное в котором то, что он не осознается как грех, не порождает чувство вины и тем самым закрывает путь к покаянию и воскресению.

Ярко эта особенность русской классики раскрывается и в главе, посвященной И.А. Гончарову, – кажется, одной из лучших в учебнике. «В гончаровском недоверии к бурным переменам и стремительным порывам заявляла о себе определенная писательская позиция. Не без основательного подозрения относился Гончаров к начавшейся в 1850–1860-е годы ломке всех старых устоев патриархальной России. В столкновении патриархального уклада с нарождающимся буржуазным Гончаров усматривал не только исторический прогресс, но и утрату духовных ценностей. Острое чувство нравственных потерь, подстерегающих человека на путях “машинной” цивилизации, заставляло его с любовью вглядываться в то, что Россия теряет» [4, т. 1, с. 487].

Глубоко осмыслено в учебнике важное свойство русского культурного сознания XIX в. – взаимосвязь христианства и социализма. Без этой взаимосвязи невозможно объяснить то увлечение новыми социальными идеями, через которое прошли многие писатели, глубоко укорененные в православной традиции: «Восприятие социализма как “новой религии”, как преддверия новой эпохи в жизни христианского человечества

было характерно тогда не только для Герцена. Через искушение “новым христианством” прошли многие русские писатели: Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев... В социализме, вслед за книгой Сен-Симона “Новое христианство”, они видели “новое откровение”, наступление эпохи практической, земной реализации евангельских заповедей Иисуса Христа» [4, т. 1, с. 578].

Учебник отличает широкий историко-культурный контекст, который образуется в том числе и за счет наблюдений за внутренним диалогом русских классиков друг с другом: переключки и реминисценции помогают взглянуть по-новому на спорные и «темные» места в ключевых эпизодах произведений. Например, таинственное «содрогание ужаса» на лице уходящего в мир иной Базарова вдруг обретает особый смысл при воспоминании о пушкинском поэтическом диалоге с митрополитом Филаретом [Там же, т. 2, с. 141].

Может быть, главное впечатление от книги Ю.В. Лебедева: почти вся русская литература осмыслена либо как предчувствие, либо как осуществление Достоевского. Он является словно некоей «точкой отсчета» в рассуждениях о важнейших «силовых линиях» литературного процесса, определяющих его движение к художественному постижению национальных идеалов истины, добра и красоты. И такой постоянный диалог-обращение к творчеству Достоевского помогает сделать немало открытий в художественном пространстве других писателей, найти уникальный «луч света», чтобы «высветить» неочевидные при другом подходе смысловые нюансы. Вот несколько показательных примеров.

О поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри»: «Алеша Карамазов в романе Достоевского “Братья Карамазовы” скажет брату Ивану: “Ты уже наполовину спасен, если эту жизнь любишь”. Лермонтов отстаивает в своей поэме деятельное стремление к идеалу, недостижимому на земле, но дающему жизни высокий смысл, приобщающий ее к вечности» [Там же, т. 1, с. 391–392].

О романе «Герой нашего времени»: «Разум Печорина, как потом у Достоевского разум Раскольникова, не в силах познать всю глубину ускользающих от него чувств. “Солгал-то он бесподобно, а на натуру-то и не сумел рассчитать”. И чем интенсивнее, чем дерзновеннее в герое самовластные претензии разума, тем необратимее становится процесс печоринского душевного опустошения» [Там же, с. 399].

О романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»: «Есть в поведении Базарова некая двойственность, предвосхищающая героев Достоевского с их типичными комплексами: злоба и ожесточение как форма проявления любви, как полемика с добром, подспудно живущем в душе отрицателя» [4, т. 2, с. 122].

О пьесе А.Н. Островского «Бесприданница»: «...“прозрень» Ларисы очень противоречиво. Оно напоминает знаменитый бунт Настасьи Филипповны из романа Достоевского “Идиот”, в основе которого лежат гордые и самолюбивые чувства пренебрежения к порицанию. Вы считаете меня вещью, вы мною пренебрегаете, а я презираю ваше пренебрежение и действительно стану вещью, да еще какой дорогой!» [Там же, с. 206].

О творчестве Н.А. Некрасова: «Достоевский тонко почувствовал

трепетный нерв, бьющий в глубине поэтического сердца Некрасова. Радость и красота его поэзии в художественной правде вечных христианских истин: не пострадавший – не спасется, не претерпевший скорбей и печалей – не обретет мира в душе. «Прочтите эти страдальческие песни сами, – призывал в “Дневнике писателя” Достоевский. – И пусть оживет наш любимый, страстный поэт. Страстный к страданию поэт!» [4, т. 2, с. 216].

О лирике А.А. Фета: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным...» Эти слова старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” проясняют мироощущение Фета, его взгляд на существо и назначение высокой поэзии» [Там же, с. 283].

О духовных исканиях и творчестве Л.Н. Толстого: «И хотя Толстого сближает с Достоевским вера в возможность установления гармонии путем преображения человека, суть этого преображения, равно как и движущие силы его, писатели понимают по-разному... Мировая гармония, о которой мечтает Достоевский, в корне отличается от исторического оптимизма Толстого и предполагает не моральное самоусовершенствование, а телесно-духовное преображение человека, обретающего с благодатной помощью Божией вечную жизнь и бессмертие» [Там же, с. 459].

О мировоззрении А.П. Чехова: «Чехов интуитивно чувствовал подстерегавшую европейское человечество тяжелую общественную болезнь. Суть ее пророчески схвачена еще Достоевским в финале романа “Преступление и наказание”...» [Там же, с. 519].

Конечно, творчество самого Ф.М. Достоевского анализируется в книге подробно и скрупулезно. Особое внимание уделено сложным вопросам и неоднозначным моментам в произведениях писателя, которые, при всей определенности его позиции, всегда содержат колоссальные возможности для различных интерпретаций, в том числе опасных, соблазнительных. Например, трагическая концовка романа «Идиот» может заставить задуматься о слабости христианского идеала при его столкновении с действительностью и реальными человеческими отношениями. Ю.В. Лебедев показывает, как сохранить веру «в горниле сомнений»: «В романе неспроста высказывается мысль, что “рай – вещь трудная”. Христианское добро и милосердие князя действительно обостряют противоречия в захваченных эгоизмом душах людей. Но обострение противоречий свидетельствует, что люди к добру неравнодушны. Прежде чем оно восторжествует, неизбежна напряженная и даже трагическая борьба добра со злом в сознании людей. И духовная смерть Мышкина наступает лишь тогда, когда он в меру своих сил и возможностей отдал себя людям целиком, заронив в их сердца семена добра. Только страдальческими путями добудет человечество внутренний свет христианского идеала. Вспомним любимые Достоевским слова из Евангелия: “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”» [Там же, с. 334].

Важнейшая составляющая литературоведческой культуры – изучение сделанного предшественниками и своевременные отсылки к их трудам.

Это качество в высокой степени присуще учебнику Ю.В. Лебедева. При разговоре о творчестве Гоголя цитируется В.А. Воропаев, при анализе романа «Обломов» приводятся слова В.И. Мельника [4, т. 1, с. 503]. Опирается автор и на бесспорные авторитеты в оценке тех или иных явлений мировой культуры (А.Ф. Лосев) [Там же, т. 2, с. 599]. Более того, вводятся в широкий оборот незаслуженно забытые имена тонких ценителей литературы, критиков и писателей XX столетия, например К.Г. Локса, написавшего замечательную статью о Тургеневе [Там же, с. 97].

Если говорить о недочетах данного издания, можно отметить два наиболее заметных момента. Во-первых, некоторое нарушение сбалансированности при составлении основных монографических глав: ни Н.Н. Златовратский, ни Г.И. Успенский, при всем уважении, конечно, такого значительного места не заслуживают – более уместно и органично они смотрелись бы в обзорах. А вот отсутствие, например, А.Н. Майкова, И.С. Никитина, И.З. Сурикова, А.Н. Плещеева – выглядит зияющей пустотой.

Во-вторых, некоторые акценты в освещении исторических событий кажутся устаревшими – особенно на фоне последовательного, религиозно-почвеннического взгляда на русскую культуру XIX в. Например, о Крымской войне и ее итогах вскользь говорится с пренебрежительно-либеральной интонацией, фактически повторяющей растиражированный радикальными демократами и закреплённый в советской науке приговор: «Конец этому застою периоду положила Крымская война, показавшая “гнилость и бессилие

крепостной России”» [4, т. 1, с. 15]. Между тем сейчас все чаще в серьезных исторических трудах [1; 5] предлагается взглянуть на это событие менее предвзято и осмыслить Крымскую войну не как позорное поражение, а как национальное испытание, которое в целом можно считать пройденным.

И все-таки недочеты кажутся несущественными. Главный вывод, точнее, глубокое чувство-убеждение, которое останется у любого прочитавшего эту книгу – *классика жива*. Она не просто вечна (это абстрактное суждение далеко не всегда очевидно для молодых читателей). Она рядом, но при этом – всегда на вырост, чуть с опережением. Надо встать на цыпочки, приподняться над самим собой, дотянуться. В этом постоянном духовном росте – главный смысл общения с ней. Эта мысль звучит во многих фрагментах книги Ю.В. Лебедева: «И Гончаров-художник, настойчиво предупреждавший, что развитие не должно порывать органические связи с вековыми традициями, вековыми ценностями и святынями национальной культуры, стоит не позади, а впереди нас» [8, т. 1, с. 521]; «Те экстремальные ситуации, в которые ставит Достоевский своих героев для исследования глубин души человеческой, современникам писателя казались из ряда вон выходящими. Однако исторический опыт, через который уже прошло человечество в XX веке, многие из этих ситуаций сделал жизненной реальностью. То, что современникам писателя казалось “фантастическим”, этот жестокий век сделал правдой. Именно поэтому все значение, вся пророческая сила романов Достоевского раскрылась перед читателями в XX веке» [Там же, т. 2, с. 604]; «Уроки русской классической

литературы и до сих пор еще не усвоены и даже не поняты вполне, мы еще только пробиваемся к их постижению, проходя через горький опыт исторических потрясений XX века. И в этом смысле русская классика все еще остается впереди, а не позади нас» [8, т. 2, с. 604]. Воистину так.

Библиографический список

1. Ермаков А.В. Крымская война 1853–1856 гг.: современный взгляд на причины и последствия // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 5 (20). С. 179–197.
2. Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. 1862. № 1–2. С. 833–834.
3. Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: учебник для студентов вузов: В 3 ч. М., 2007.
4. Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века: курс лекций для бакалавриата теологии: В 2 т. М., 2020.
5. Мельникова Л.В. Русская православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

References

1. Ermakov A.V. Crimean War of 1853–1856: A modern look at the causes and consequences. *National Strategy Issues*. 2013. No. 5 (20). Pp. 179–197. (In Rus.)
2. Katkov M.N. What party do we belong to? *Russkiy vestnik*. 1862. No. 1–2. Pp. 833–834. (In Rus.)
3. Lebedev Y.V. *Istoriya russkoy literatury XIX veka. V 3 t. [History of Russian literature of the XIX century. In 3 vols.]*. Textbook. Moscow, 2007.
4. Lebedev Y.V. *Russkaya literatura XIX veka. Kurs lektsii dlia bakalavriata teologii. V 2 t. [Russian literature of the XIX century. A course of lectures for the Theology Bachelor. In 2 vols.]*. Moscow, 2020.
5. Melnikova L.V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov I Krymskaya voina 1853–1856 gg. [The Russian Orthodox Church and the Crimean War of 1853–1856]*. Moscow, 2012.

Статья поступила в редакцию 10.07.2021, принята к публикации 20.08.2021
The article was received on 10.07.2021, accepted for publication 20.08.2021

Сведения об авторе / About the author

Федоров Алексей Владимирович – доктор филологических наук; главный редактор издательства «Русское слово»; учитель литературы средней школы № 1516, Москва

Alexey V. Fedorov – ScD in Philology; Chief Editor of the “Russkoye slovo” Publishing House; Teacher of Literature at Secondary School No. 1516, Moscow

E-mail: fedorov@russlo.ru